

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ПОСТРОЕНИЯ СООБЩЕСТВ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРИМЕР АСЕАН

АЛЕКСАНДР КОРОЛЁВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются структурные элементы концепции сообщества безопасности и её приложение к опыту Юго-Восточной Азии. Актуальность исследования связана с официальным запуском в 2015 г. Сообщества АСЕАН, которое состоит из трёх ключевых элементов – экономическое сообщество, сообщество политики и безопасности и социокультурное сообщество. Новизна настоящей работы заключается, *во-первых*, в использовании обновлённого подхода к анализу сообществ безопасности, *во-вторых*, в переосмыслении опыта АСЕАН в вопросах формирования такого рода общности. Значимыми переменными, обуславливающими становление отношений, исключающих вероятность применения силового инструментария для преодоления противоречий, выступают чувство «коллективного мы» среди правящих элит и населения, наличие общих целей, интересов и разделяемых всеми членами сообщества ценностей, приверженность ключевым нормам и принципам функционирования объединения, наличие прочных каналов коммуникации между государствами, способность коллективного реагирования государств на внутренние и внешние вызовы и урегулирования конфликтов мирным путем. Таким образом, одним из ключевых нововведений исследования служит утверждение, что помимо политического истеблишмента, разделяющего общие ценности, принципы и нормы, субъектом сообществ безопасности также выступает гражданское общество. В заключение делается вывод, что в настоящее время АСЕАН представляет собой зарождающееся сообщество безопасности плюралистического типа. При сохранении существующих проблем переход к зрелой стадии не представляется возможным. К числу ключевых ограничений АСЕАН можно отнести проблему формирования коллективного целого, периодический отход от основополагающих принципов Ассоциации, трудности при достижении консенсуса по ряду чувствительных вопросов. В качестве конкретных примеров автор приводит разные позиции стран–участниц объединения по проблеме Южно-Китайского моря, а также отсутствие единого подхода к «Свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону», формирующемуся в новом геостратегическом пространстве.

Ключевые слова:

сообщество безопасности; АСЕАН; институты; коллективная идентичность; ценности; нормы; принципы.

Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 17-18-01577 «Формирование Сообщества Большой Евразии и стратегии двустороннего взаимодействия России со странами региона».

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.01.2019

Дата принятия к публикации: 01.10.2019

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: askorolev@hse.ru

Вопросы войны и мира, обеспечения международной безопасности, сохранения баланса сил на международной арене традиционно играли ведущую роль в теории международных отношений при анализе межгосударственного взаимодействия.

Период после завершения «холодной войны» сопровождался снижением вероятности перерастания соперничества между ключевыми мировыми игроками в полноценный вооружённый конфликт. Несмотря на это, современный этап развития международных отношений характеризуется возрождением великодержавного соперничества, расширением спектра невоенных инструментов во внешней политике, прежде всего санкций и иных ограничительных мер.

В условиях стратегической неопределённости жизненно важным направлением любого многостороннего объединения становится коллективное реагирование на традиционные и новые угрозы безопасности.

Совокупность данных обстоятельств актуализирует обсуждение и переосмысление концепции сообщества безопасности, разработанной в 1957 г. немецким политологом Карлом Дойчем.

В данной работе рассматриваются структурные элементы данного феномена. Используя кейс АСЕАН, автором предложен современный подход к анализу сообщества безопасности, а также выявлено, в какой степени Ассоциация соответствует ключевым составляющим данной концепции.

1

Наибольший вклад в теоретическую разработку и концептуализацию термина «сообщество безопасности» внесла книга Карла Дойча «Политическое сообщество и североатлантическое пространство», опубликованная в 1957 году. Под ним немецкий политолог понимал группу людей, интегрированных до такой степени, при которой члены сообщества не будут прибегать к использованию вооружённой силы, а разрешать все споры путем мирных изменений, то есть с применением широкого дипломатического инструментария и институциональных механизмов [Deutsch 2015: 4].

В своём исследовании эксперт разделяет сообщества безопасности на два типа: амальгамные и плюралистические [Deutsch 2015: 15]. Первый подразумевает формальное объединение двух или более ранее независимых субъектов в одну крупную единицу с общим правительством, унитарной или федеративной формой государственного устройства. Наиболее ярким примером в данном случае выступают США, образовавшиеся из союза тринадцати колоний. Плюралистическое сообщество безопасности, напротив, закрепляет политическую независимость суверенных образований, поскольку при такой форме не происходит их слияния в одну политическую единицу и, как следствие, создания единого органа управления. По мнению К. Дойча, отношения США и Канады дают пример объединений этого типа.

Важнейшими базовыми предпосылками для зарождения и дальнейшего развития сообществ безопасности служат способность участвующих политических единиц или правительств удовлетворять стратегические интересы друг друга, а также готовность справляться с возникающими разногласиями без применения силы [Deutsch 2015: 23–28]. Таким образом, появление таких объединений не отменяет вероятности возникновения конфликтов внутри группы, а лишь постулирует мирное урегулирование спорных ситуаций.

Кроме того, значимым аспектом теории К. Дойча выступает совместимость ключевых ценностей, относящихся к выработке политических решений. Наличие разделяемых всеми членами ценностей внутри объединения во многом является определяющим при выстраивании конструктивного диалога внутри объединения. При этом они становятся эффективным инструментом только в том случае, если они инкорпорированы в политические институты и в привычки политического поведения, что помогает усилить чувство причастности правящих элит к сообществу безопасности [Deutsch 2015: 133–134].

Также для достижения успеха сообществу безопасности необходим непрерыв-

ный процесс коммуникации, обеспечиваемый прочными каналами связи между социальными группами и политическими институтами, а также высокой мобильностью населения. Он позволяет членам группы мыслить как единое целое, видеть как единое целое, а также действовать как единое целое, повышая тем самым уровень доверия между участниками объединения [Deutsch 2015: 23]. Именно за счёт высокого уровня доверия, взаимной восприимчивости и транслирования норм и правил поведения в ходе социальной коммуникации происходит формирование «чувства коллективного мы» (we-feeling) или, другими словами, «ощущения сообщества» (sense of community) [Deutsch 2015: 24].

Наконец, среди других неотъемлемых первичных элементов формирования сообщества безопасности исследователь отмечает высокий уровень развития хозяйственных связей между его участниками с последующим вызреванием взаимозависимости. В своей работе Карл Дойч не проводит чёткой параллели между экономической кооперацией и либеральными ценностями. В то же время выбранный в качестве эмпирического примера в его исследовании Евро-Атлантический регион побуждает увязку механизмов предотвращения вооружённого противоборства, которые он описывал, с рыночной экономикой и либеральной демократией.

Дальнейшее развитие концепция сообщества безопасности получила в работе Эмануэля Адлера и Майкла Барнетта, опубликованной в 1998 году. В ней авторы отмечают три ключевых составляющих сообщества [Adler, Barnett 1998: 31–36]. *Во-первых*, участники объединения разделяют общие идентичности, ценности и понятия. *Во-вторых*, между ними достигнут всеобъемлющий и прямой диалог. *В-третьих*, члены сообщества демонстрируют высокий уровень взаимного доверия, знаний о стратегических интересах каждого участника, а также разделяют альтруистические настроения. Последняя особенность способствует концептуальному отграничению сообществ от ассоциаций,

как ещё одной формы социальной общности. Немецкий социолог и философ Фердинанд Тённис отмечал, что в отличие от ассоциации, в которой основным знаменателем выступают эгоистические интересы, сообщество предполагает сумму общих интересов [Tönnies 1955: 19].

Одна из отличительных особенностей труда Э. Адлера и М. Барнетта – ярко выраженный фокус на роли либеральной демократии в формировании сообществ безопасности. В частности, исследователи отмечают, что распространение либеральных ценностей способствует появлению единой транснациональной гражданской культуры, фиксируя приверженность таким принципам, как уважение международного права, признание ведущей роли ООН, политический и культурный плюрализм. Совокупность данных принципов логически вписывается в теорию демократического мира, представители которой утверждают, что либеральные демократии менее склонны к вооружённым действиям друг против друга [Owen 1994: 92; Farnham 2003: 403; Risse-Kappen 1995: 502]. Более того, как полагают представители данной теории, демократические государства в гораздо большей степени предрасположены к развитию институтов гражданского общества и стимулированию процесса социальной коммуникации и вовлечения населения в принятие политических решений.

Сохранение и укрепление уровня доверия внутри группы государств обеспечивается не столько за счёт активной координирующей роли международных организаций, сколько за счёт получения информации друг о друге или, по словам Орана Янга, развития социальных практик [Young 1982: 284]. В качестве примера значения последних для наращивания диалога между участниками сообщества безопасности Э. Адлер и М. Барнетт приводят опыт взаимодействия демократических государств, обладающих ядерным оружием.

В частности, когда в 1965 г. Франция вышла из военной организации НАТО и настояла на сохранении независимого ядерного арсенала, остальные члены аль-

янса не восприняли данный шаг в качестве угрозы национальной безопасности [Adler, Barnett 1998: 46]. Напротив, наличие ядерного оружия у недемократических государств вызывает опасения со стороны участников сообщества безопасности. В этом отношении исследователи соглашаются с трактовкой Дойча, согласно которой общая угроза выступает необходимым условием выстраивания коллективного подхода в рамках сообщества безопасности.

Весомый вклад Э. Адлера и М. Барнетта в осмысление эволюции сообществ безопасности связан с выделением зарождающихся (*nascent*), восходящих (*ascendant*) и зрелых (*mature*) объединений [Adler, Barnett 1998: 17, 48]. На первом этапе правительства не преследуют цели формирования сообщества, а лишь рассматривают возможность координации действий для обеспечения коллективной безопасности. Одним из необходимых условий усиления взаимодействия государств на этом этапе остаётся общая угроза. Фаза зарождающегося сообщества также подразумевает развитие институциональных и транснациональных связей, распространение идей о коллективной безопасности. Кроме того, у государств растёт осознание того, что скоординированные действия могут сопровождаться позитивными эффектами в экономике, экологии и других сферах.

Вторая фаза становления восходящих сообществ предполагает существенное уплотнение институциональных связей между государствами, более тесное военное сотрудничество, повышение взаимного доверия, а также появление коллективной идентичности, закрепляющей приверженность участников к урегулированию потенциальных разногласий путем «мирных изменений». Наконец, на третьем этапе происходит формирование зрелого сообщества безопасности, основными элементами которого служат сформированная коллективная идентичность, акцент на многосторонних действиях, единое восприятие того или иного игрока в качестве угрозы и скоординированная политика по её устранению [Adler, Barnett 1998: 55].

Параллельно с работами Э. Адлера и М. Барнетта оригинальная типология объединений в сфере безопасности была предложена Амитавом Ачарией [Acharya 1995: 180–181]. Наряду с сообществами безопасности исследователь выделяет режимы безопасности (*security regime*), оборонительные сообщества (*defense community*) и системы коллективной безопасности (*collective security*). В рамках этого подхода для сообществ безопасности характерно отсутствие гонки вооружений внутри объединений. При этом внутри них может быть создан двусторонний или многосторонний военно-политический альянс. Более того, сообщество безопасности не предполагает формирования объединённых вооружённых сил с общими органами управления и единым бюджетом, что является прерогативой оборонительного сообщества [Acharya 1991: 170].

Наконец, необходимо выявить концептуальные отличия коллективной безопасности от сообщества безопасности. Первая основана на принципе преобладания военной мощи, не предполагает высокого уровня экономической взаимозависимости и тесного функционального сотрудничества. Более того, как отмечает А. Ачария, система коллективной безопасности в большей степени направлена на наказание агрессора, чем на поиск мер по мирному урегулированию конфликта, в то время как сообщество безопасности стремится решать все возникающие разногласия через формальные и неформальные механизмы, без использования силового принуждения [Acharya 2014: 22].

На основе существующих типологий автор настоящей статьи предложил оригинальный подход к анализу сообщества безопасности, а также выявил, в какой степени АСЕАН соответствует ключевым составляющим данной концепции (табл. 1).

2

При выборе критериев формирования сообщества безопасности, применимых в том числе к АСЕАН, автор взял за основу модель Э. Адлера и М. Барнетта о трёх фазах зрело-

Таблица 1
 Схема базовых условий формирования сообщества безопасности и её применимость к АСЕАН

Коллективная идентичность	Коллективные действия
<ul style="list-style-type: none"> • Чувство «коллективного мы» среди правящих элит и населения • Приверженность ключевым принципам функционирования объединения • Общие ценности 	<ul style="list-style-type: none"> • Способность выработки скоординированной политики внутри объединения • Эффективность формальных и неформальных институтов коммуникации • Способность сохранения единства внутри объединения при внешних и внутренних вызовах • Способность урегулирования конфликтов мирным путем

Источник: составлено автором.

сти такого рода объединений. Вместе с тем для более комплексного рассмотрения принимались во внимание и основополагающие переменные К. Дойча, в частности наличие или отсутствие широкомасштабных военных действий между членами сообщества. Проведённый анализ концепции сообщества безопасности позволил выявить следующую закономерность.

Представляется, что либеральную демократию и наличие экономической взаимозависимости не следует относить к базовым условиям формирования сообщества безопасности.

Во-первых, использование данных переменных для анализа теории существенно сужает исследовательское поле, по сути, ограничиваясь Евро-Атлантическим регионом (территории Западной Европы, США и Канады). В этом контексте изучение кейса АСЕАН представляет особую значимость, поскольку очевидно, что формирование сообщества политики и безопасности в Юго-Восточной Азии не опирается на экономическую взаимозависимость и демократические ценности.

Во-вторых, сама теория комплексной взаимозависимости неоднократно подвергалась критике за её практическую ограниченность, что отчётливо наблюдается в работах Холсти и Саймона [Holsti 1978: 520–522; Simon 1995: 7–10]. По замыслу авторов данной теории (Джозефа Ная и Роберта Кохейна), взаимозависимость между государствами (в первую очередь экономическая) существенно снижает конфликтный потенциал и минимизирует возможность вооружённого столкновения [Keohane, Nye

1977: 48]. Однако на практике экономическая взаимозависимость далеко не всегда способствует снижению конфликтного потенциала между крупными государствами, яркими примерами чего служат отношения между Германией и Великобританией накануне Первой мировой войны, а также США и Китаем на современном этапе.

Кроме того, мировой опыт показывает, что экономическая взаимозависимость, как правило, достигается на двустороннем уровне среди стран и объединений с крупной экономикой (США–Китай, Китай–Япония, США–ЕС) либо внутри интеграционных объединений с высоким уровнем внутрирегиональной торговли и наличием государства-ядра – ЕС и НАФТА (ныне – USMCA) [Clarke 2008: 59; Mancheri 2015: 76–79; Chanona 2003: 3–5].

Таким образом, малые и средние державы, не являющиеся членами продвинутой региональной интеграционной группировки с высоким объёмом торговли внутри объединения, остаются за рамками исследовательского фокуса. Исходя из вышесказанного, экономическую взаимозависимость, поддержку либеральных идей целесообразно рассматривать лишь в качестве дополнительных стимулов, которые в перспективе могут способствовать переходу сообществ безопасности на более продвинутую стадию, в частности, восходящих и зрелых сообществ (2-я и 3-я стадии).

На основе изучения опыта формирования сообщества безопасности в Евро-Атлантическом регионе, а также Юго-Восточной Азии представляется, что более значимыми базовыми критериями являют-

ся следующие: чувство «коллективного мы» среди правящих элит и населения, наличие общих целей и интересов, общих ценностей, приверженность ключевым нормам и принципам функционирования объединения, наличие прочных каналов коммуникации между государствами. Сюда же стоит отнести способность коллективного реагирования государств на внутренние и внешние вызовы и сохранения внутреннего единства, а также способность урегулирования возникающих конфликтов мирным путём.

Приведённые выше параметры наиболее четко отражают особенности продвижения сообщества безопасности АСЕАН. Так, в плане действий по созданию сообщества безопасности АСЕАН 2012 г. (ASEAN Security Community Plan of Action) отмечается взаимосвязь политической, экономической и социальной сфер¹. В документе отражено, что сообщество должно строиться на принципе всеобъемлющей безопасности (*comprehensive security*). Это подразумевает обеспечение не только военной защищённости, но также политической и социальной стабильности, сокращение разрыва в экономическом развитии между странами, а также формирование общеасиановских ценностей и укрепление коллективной идентичности граждан стран-членов Ассоциации.

Учитывая стремление лидеров стран АСЕАН параллельно наращивать взаимосвязанность в сфере обеспечения безопасности, культурной гармонии, социально-экономического процветания ЮВА, о чём свидетельствуют основополагающие документы Ассоциации, представляется обоснованным провести анализ построения коллективной идентичности не только с точки зрения политических элит, но и граждан государств-членов сообщества. Наконец, в качестве критериев или параметров не был заявлен фактор доверия на-

селения к сообществу безопасности по причине отсутствия статистических данных для выявления закономерностей. На примере АСЕАН данный критерий частично подменяется восприятием населением Ассоциации в качестве политического института. В этой связи существенную роль в настоящем исследовании сыграли опросы общественного мнения, подготовленные исследовательскими институтами – ISEAS, ERIA.

3

Становление сообщества безопасности не представляется возможным в отсутствие коллективной идентичности всех участников объединения, общих интересов, взаимного доверия и коллективных действий, в том числе в отношении внутренних и внешних угроз. Изучая опыт становления АСЕАН в качестве сообщества безопасности, можно выделить 4 ключевых параметра, способствующих усилению чувства коллективного целого в рамках Ассоциации.

Во-первых, в основу функционирования объединения положена концепция «Пути АСЕАН». Она означает, что при взаимодействии со странами-членами Ассоциации, а также зарубежными партнёрами АСЕАН опирается на такие базовые принципы, как невмешательство во внутренние дела других государств, уважение суверенитета и территориальной целостности, отказ от применения силы или угрозы применения силы, мирное урегулирование споров, учёт индивидуальных особенностей стран-участниц и другие [Yukawa 2018: 14; Beeson 2009: 335–338; Tan 2017: 59]. Они легли в основу первого документа Ассоциации в сфере обеспечения региональной безопасности – декларации о создании зоны мира, свободы и нейтралитета (ZOPFAN), подписанной министрами иностранных дел стран АСЕАН в 1971 году, а также ряд других стратегических документов².

¹ ASEAN Security Community Plan of Action 2012. ASEAN. URL: https://asean.org/?static_post=asean-security-community-plan-of-action (дата обращения: 18.09.2019).

² Zone of peace, freedom and neutrality declaration 1971. URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/Transnational/zone.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

Во-вторых, с середины 1970-х годов в официальном дискурсе стран-участниц Ассоциации всё чаще стала встречаться идея построения «единой Юго-Восточной Азии» [Acharya, Layug 2012: 2; Wah 1997: 5]. На практике она воплощалась в попытках правящих элит АСЕАН присоединить к Ассоциации все государства, имеющие географическое расположение в субрегионе Юго-Восточной Азии.

В-третьих, все страны-участницы Ассоциации разделяют идею центральной роли АСЕАН в качестве базового принципа функционирования объединения. Согласно официальным документам АСЕАН, данный термин подразумевает ключевую роль Ассоциации в формировании архитектуры безопасности в АТР, а также продвижении многосторонних экономических инициатив и проектов³.

Наконец, вопрос формирования коллективной идентичности АСЕАН следует увязывать с наличием у участников сообщества общих ценностей. Традиционно подчёркивалась важность обеспечения социальной гармонии, заботы о социально-экономическом процветании и благополучии общества, сильной трудовой этики, лояльности к политическим лидерам и правящему режиму, ставки на неформальные отношения [Barb 2000: 313–316; Harper 1997: 509].

В число главных идеологов азиатских ценностей входили отец сингапурского чуда Ли Куан Ю и премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад. Последний ещё в декабре 1990 г. инициировал создание Восточноазиатской экономической группы (позже переименованной в Восточноазиатский экономический совет) в качестве противовеса западным проектам экономического регионализма [Khalifah 1992: 19]. Кроме

того, Махатхир Мохамад выступал против присоединения к Восточноазиатскому саммиту Австралии, которая, по его мнению, выступает частью «коллективного Запада» и не разделяет базовые азиатские ценности⁴.

Тем не менее на протяжении всего своего существования АСЕАН сталкивалась с рядом препятствий на пути выработки чувства «коллективного мы». В том числе все государства АСЕАН, за исключением Таиланда, были колониями. Период после обретения независимости характеризовался активными попытками формирования стабильных политических режимов и национальных экономик. Стремление к преодолению колониального наследия и выстраиванию самостоятельных систем хозяйства подталкивало страны к экономическому сотрудничеству. Вместе с тем процесс деколонизации сопровождался ростом национализма в странах Юго-Восточной Азии при сохранении тесных отношений с бывшими метрополиями, что привело к обострению ряда территориальных конфликтов в регионе [Acharya 2017: 27]. Таким образом, общее историческое наследие в части колониального прошлого в большей степени оказало деструктивное влияние на развитие отношений между странами-участницами Ассоциации.

Кроме того, Юго-Восточной Азии присуща высокая степень гетерогенности, выражающейся в различиях по ряду оснований: культурному, языковому, религиозному и внутривнутриполитическому. Между участниками объединения по-прежнему наблюдаются разногласия по ряду вопросов долгосрочного развития Ассоциации, различные внешнеполитические приоритеты, прежде всего, по отношению к вели-

³ ASEAN Vision 2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2015/11/67.-December-2015-ASEAN-2025-Forging-Ahead-Together-2nd-Reprint.pdf> (дата обращения: 04.09.2019); ASEAN Community Vision 2025. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/aec-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (дата обращения: 04.09.2019); Master Plan on ASEAN Connectivity 2025. URL: <https://asean.org/storage/2016/09/Master-Plan-on-ASEAN-Connectivity-20251.pdf> (дата обращения: 04.09.2019).

⁴ Mahathir doesn't want Australia at East Asia Summit. Taipei Times, December 8, 2005. URL: <http://www.taipetitimes.com/News/world/archives/2005/12/08/2003283497> (дата обращения: 19.07.2019).

ким державам – Китаю и США [Kipgen 2018: 442; Martel 2017: 552–554].

Одновременно с этим проблемы в формировании чувства «коллективного мы» у населения стран–участниц АСЕАН фиксируются социологическими измерениями. В частности, согласно данным опросов, только 58% граждан этих государств полагают, что люди, родившиеся в Юго-Восточной Азии, имеют много общего друг с другом⁵. Лишь 43% опрошенных ассоциируют себя в качестве жителей Юго-Восточной Азии, в то время как 51% респондентов считают себя азиатами. Для сравнения, по данным на 2018 год, в Европейском Союзе 70% жителей государств–членов объединения воспринимали себя в качестве граждан ЕС, разделяя тем самым чувство «коллективного мы»⁶.

Вместе с тем, по данным опроса, проведенного исследовательским институтом ERIA в 2017 году, более 75% респондентов заявили, что ощущают себя гражданами АСЕАН в той или иной степени, а 50% опрошенных отметили, что «в значительной степени» воспринимая себя гражданами объединения⁷. Несмотря на столь высокие показатели, необходимо сделать важное уточнение. Большинство опрошенных подтвердили, что чувство принадлежности формируется главным образом из-за географической близости и напрямую не связано с деятельностью Ассоциации по выстраиванию сообщества АСЕАН.

До настоящего времени не проводились опросы, призванные оценить приверженность идее построения сообщества безопасности среди населения стран АСЕАН и

восприятию себя в качестве его членов. Однако косвенно об этом свидетельствуют результаты социологического опроса, приуроченного к 50-летию юбилею Ассоциации. Отвечая на вопрос «с чем вы ассоциируете АСЕАН», большинство респондентов (65%) отметили экономический рост в Юго-Восточной Азии. 38% опрошенных связали деятельность объединения с безопасностью/обороной и 25% с культурным наследием⁸. Кроме того, вопреки чувству, что АСЕАН обеспечивает безопасность в регионе, лишь 20% респондентов характеризуют Ассоциацию как политическую организацию, 13% – как социальную и ещё 9% – как культурную⁹.

Приведённые данные позволяют сделать следующие выводы. *Во-первых*, несмотря на попытки правящих элит объединения утвердить концепцию «ориентированного на людей АСЕАН», граждане стран–участниц воспринимают себя в качестве жителей Юго-Восточной Азии или Азии в целом, но не частью Ассоциации в полной мере. *Во-вторых*, подавляющее большинство населения склонно рассматривать АСЕАН в качестве экономического объединения, по отношению к этим представлениям восприятие принадлежности к обществу в сфере политики и безопасности в лучшем случае вторично. Одной из причин сложившейся ситуации и вместе с тем фактором, её усугубляющим, выступает низкий уровень осведомлённости среди населения стран–участниц о достижениях, проблемных вопросах и механизмах функционирования АСЕАН. Вышеупомянутое исследование ERIA продемонстрировало, что лишь 17% граждан государств–членов

⁵ A Study of Southeast Asian Perceptions, ASEAN turns 50, December 2017. URL: <http://www.blackbox.com.sg/wp-content/uploads/2018/01/ASEAN-Turns-50.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

⁶ Press release. Spring 2018 Standard Eurobarometer: One year ahead of the European elections, trust in the Union and optimism about the future is growing. European Commission, Brussels, June 14, 2018. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-4148_en.htm (дата обращения: 19.09.2019).

⁷ Voices of ASEAN. What Does ASEAN Mean to ASEAN Peoples? Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, November 2017. URL: http://www.eria.org/ASEAN_at_50_2.1_Integrative_final.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

⁸ ASEAN Turns 50. A Study of Southeast Asian Perceptions. Blackbox Research, December 2017. URL: <https://www.blackbox.com.sg/wp-content/uploads/2018/01/ASEAN-Turns-50.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

⁹ Ibid.

в возрасте до 30 лет хорошо знакомы с деятельностью Ассоциации¹⁰.

Совокупность описанных выше причин также препятствует выстраиванию социокультурного сообщества, которое наряду с экономическим сообществом и сообществом политики и безопасности выступает ключевой опорой Ассоциации. Системное ограничение формирования коллективного целого АСЕАН – периодический отход от основополагающих принципов. Например, наиболее резонансным событием последних лет стал пограничный конфликт между Камбоджой и Таиландом в 2011 г. с применением оружия, что привело к людским потерям. Помимо прямого нарушения одного из базовых принципов Ассоциации, стороны пренебрегли механизмами урегулирования конфликтных ситуаций, зафиксированными в статье 15 Договора о дружбе и сотрудничестве и статье 22 Хартии АСЕАН, – диалог, консультации и переговоры [Колдунова 2011: 109].

4

На отдельных этапах своего развития АСЕАН предпринимала попытки укрепления институциональных механизмов по вопросам обеспечения безопасности и придания им формального характера. Ярким примером таких действий стал Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, подписанный в 1976 году. Наибольший интерес при анализе документа представляет статья 14, которая фиксирует создание Высшего Совета в качестве постоянно действующего органа для урегулирования конфликтных ситуаций между странами–участницами АСЕАН¹¹.

Необходимо отметить, что за всю историю его действия данный механизм так и не был ни разу применён, что связано со структурными ограничениями документа, заложенными в самом его тексте. Главный из них – договор не предусматривает мер принуждения или применение санкций к государству, нарушившему взятые на себя обязательства по обеспечению мира. Согласно статье 15 договора, в случае сохранения конфликтной ситуации между сторонами Высший Совет вправе лишь рекомендовать участникам спора прибегнуть к таким средствам урегулирования конфликта, как добрые услуги, посредничество, расследование или примирительные процедуры. Договор закрепляет в добровольном порядке обращение участников спора к способам мирного урегулирования, содержащимся в статье 33 Устава ООН, что ставит под сомнение сам факт необходимости выполнения условий договора¹². При этом Хартия АСЕАН, будучи юридически обязывающим документом, указывает, что все конфликтные ситуации между членами объединения должны урегулироваться мирным путем в соответствии с положениями Договора 1976 года¹³.

За всю более чем 50-летнюю историю существования Ассоциации так и не удалось разрешить территориальные споры между странами–участницами объединения. Тем не менее, принимая во внимание незавершённость процессов строительства национальной идентичности вкупе с большим количеством межгосударственных противоречий, заслугой АСЕАН является предотвращение масштабных вооружённых столкновений его членов [Caballero-Anthony 2002: 537]¹⁴.

¹⁰ Voices of ASEAN. What Does ASEAN Mean to ASEAN Peoples? Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, November 2017. URL: http://www.eria.org/ASEAN_at_50_2.1_Integrative_final.pdf (дата обращения: 19.09.2019).

¹¹ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia Indonesia 24 February 1976. Asean.org, January 27, 2016. URL: <https://asean.org/treaty-amity-cooperation-southeast-asia-indonesia-24-february-1976/> (дата обращения: 19.09.2019).

¹² Ibid.

¹³ Charter of the Association of Southeast Asian nations. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/archive/21069.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

¹⁴ В период кампучийско-вьетнамского вооружённого конфликта (1978–1991) ни одна из сторон не входила в состав АСЕАН.

Ключевым шагом на пути выстраивания конструктивного диалога стало увеличение числа двусторонних и многосторонних консультаций по вопросам обеспечения безопасности, например, в формате совещаний министров обороны стран–участниц АСЕАН, министров иностранных дел, ежегодных саммитов Ассоциации, обсуждений в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ) и Восточноазиатского саммита (ВАС). Стороны предпринимают попытки по координации совместных действий в сфере безопасности и борьбе с новыми вызовами и угрозами. В частности, в 2012 г. запущен Институт мира и согласия АСЕАН – аналитический центр, призванный вырабатывать общую позицию государств Юго-Восточной Азии по глобальным проблемам. Приняты Декларация о совместных действиях в борьбе с терроризмом, Декларация прав человека АСЕАН, а также «Предложения и план действий АСЕАН в связи с изменениями климата до 2015 года», «Долгосрочная стратегия в области управления водными ресурсами» и многие другие стратегические документы. Снижению остроты межгосударственных противоречий способствовало создание в формате ad hoc совместных комитетов и комиссий по урегулированию пограничных споров. К их числу можно отнести комитет Малайзия–Таиланд, Малайзия–Индонезия, Малайзия–Филиппины, Филиппины–Индонезия [Caballero-Anthony 1998: 47–48].

Деятельность асеаноцентричных площадок основана на консенсусном подходе, который проявляется в организационном и институциональном минимализме, а все принятые решения носят рекомендательный характер. При этом, по словам Сумского В.В., представленные выше форматы не связаны между собой какими-либо институциональными рамками [Рябков 2019: 114].

Важнейшими условиями ведения диалога по вопросам безопасности выступают

позитивный психологический фон и отказ от прямой критики в адрес друг друга. По словам бывшего министра иностранных дел Индонезии Субандрио, «только те переговоры могут считаться продуктивными, когда участники воспринимают друг друга не как противников, а как близких друзей и братьев» [Irvine 1982: 17].

Таким образом, при выстраивании диалога по вопросам безопасности лидеры АСЕАН делают ставку на консультации с зачастую неформальной повесткой, а также на ведение переговоров в формате ad hoc, что служит инструментом формирования коллективной идентичности объединения и выработки «привычки предотвращения войны». На этом фоне примечательно высказывание Карлоса Ромуло, бывшего министра иностранных дел Филиппин, который отмечал, что для стран Ассоциации кулуарные беседы представляют большую значимость, чем официальные переговоры на полях саммитов и других диалоговых площадках [Acharya 2014: 80].

Как следует из Плана действий по созданию Сообщества безопасности АСЕАН 2004 года (впоследствии переименованного в Сообщество политики и безопасности АСЕАН), ключевыми целями формируемого объединения выступают наращивание политического диалога между странами, усиление солидарности и формирование чувства «коллективного мы», укрепление доверия стран-участниц друг к другу¹⁵. Примечательно, что в окончательный вариант документа не вошёл ряд чувствительных формулировок, что свидетельствует о неготовности правящих элит АСЕАН двигаться в сторону зрелого сообщества. В частности, из него было удалено содержавшееся в первоначальном проекте упоминание о «демократии и защите прав человека как базовых ценностях, разделяемых всеми членами».

Кроме того, вне рамок документа осталось предложение Джакарты сформировать единый миротворческий контингент

¹⁵ Asian security community: plan of action. Asian.org, 2015. URL: <http://arcagreement.asean.org/file/doc/2015/02/asean-security-community-plan-of-action.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

Ассоциации, которое встретило сопротивление других участников (в первую очередь Сингапура, Вьетнама и Таиланда) [Acharya 2014: 175]. При этом, как отмечала индонезийская сторона, ставшая инициатором запуска Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности, данная инициатива не является оборонительным объединением или военным союзом, а направлено на выстраивание всеобъемлющего диалога по вопросам региональной безопасности¹⁶.

Как отмечают эксперты и бывшие официальные лица АСЕАН, основной императив Ассоциации – не окончательное разрешение конфликтов, а создание доверительной обстановки, при которой возникновение вооружённого столкновения сводится к минимуму (управление конфликтами) [Caballero-Anthony 2002: 530–532; Severino 2006: 425–430; Severino 2009: 30–34;]. Кроме того, по словам А. Ачарии, ещё два десятилетия назад многосторонняя дипломатия АСЕАН была традиционно направлена не на создание формальных механизмов, а на ускорение социализации политических элит стран-участниц [Acharya 1998: 208]. Данное утверждение также логически вписывается в теорию сообщества безопасности в концепции К. Дойча, согласно которой способность членов сообщества урегулировать конфликты мирным путём гораздо важнее наличия противоречий как таковых.

За последние три года наметился прогресс в сотрудничестве в военно-технической сфере между участниками объединения, что, согласно концепции Э. Адлера и М. Барннета, выступает неотъемлемым элементом второй фазы развития восходящих сообществ безопасности. Рубежным моментом стало проведение в 2017 г. первых в истории Ассоциации военно-морских учений AMNEX 2017¹⁷. Ещё одно знаковое событие произошло в октябре 2018 года,

когда АСЕАН и Китай провели первые совместные военные манёвры. На 2019 г. запланированы двусторонние учения США–АСЕАН. На регулярной основе страны–участницы объединения проводят многосторонние манёвры в формате Совещания министров обороны АСЕАН +8 (АСЕАН СМО +8). Наряду с этим страны–участницы Ассоциации наращивают взаимодействие между военными ведомствами, в частности, путём обмена разведывательной информацией.

Совокупность описанных форм взаимодействия позволяет констатировать, что политические элиты уделяют приоритетное внимание развитию институциональных и транснациональных связей и распространению идей о коллективной безопасности. Формирование Сообщества АСЕАН в виде трёх опор – экономического, социокультурного и Сообщества политики и безопасности, в свою очередь, отражает нацеленность участников объединения проводить скоординированные действия в сфере политики обороны и безопасности при параллельном наращивании сотрудничества в экономике, культуре и социальной сфере. Сложившаяся нормативно-правовая, институциональная база, а также текущая динамика взаимодействия внутри Ассоциации указывают на то, что АСЕАН в настоящий момент находится в начальной фазе зарождающегося сообщества безопасности.

5

Несмотря на достигнутые успехи по формированию институциональных механизмов объединения и углублению военного сотрудничества, АСЕАН сталкивается с рядом структурных ограничений, препятствующих формированию Сообщества безопасности. Фундаментальным вызовом долгосрочного развития Ассоциации выступает неспособность достигнуть консен-

¹⁶ Masyarakat Politik-Keamanaan ASEAN Selasa, 17 Maret 2015. Kementerian Luar Negeri, Republic Indonesia. (Сообщество политики и безопасности АСЕАН. Министерство иностранных дел Республики Индонезия). URL: <https://www.kemlu.go.id/id/kebijakan/asean/Pages/Masyarakat-Politik-Keamanaan-ASEAN.aspx> (дата обращения: 19.09.2019).

¹⁷ В учениях приняли участие все страны–участницы АСЕАН, за исключением Лаоса, который не имеет выхода к морю.

сус по наиболее чувствительным вопросам, к числу которых относятся приводимые ниже примеры.

В частности, ярким примером роста противоречий внутри объединения стало блокирование в 2012 г. Камбоджей принятия совместного заявления по Южно-Китайскому морю. Такого рода поведение стало беспрецедентным в истории Ассоциации примером неспособности достичь консенсуса по поводу подписания документа¹⁸. Тем не менее в 2016 г. произошла аналогичная ситуация сразу после обнародования решения Международного суда по Южно-Китайскому морю. Судебный орган постановил, что Китай не имеет исторических прав на спорные территории. Между тем Пномпень, стремясь сохранить стратегическое сотрудничество с КНР как ключевым внешнеэкономическим партнёром, воспользовался правом вето и исключил из итогового коммюнике встречи министров иностранных дел АСЕАН пункт, одобрявший решение Международного суда. Кроме того, в документе отсутствуют и стандартные для Ассоциации упоминания о необходимости уважения международного права и мирного урегулирования территориальных конфликтов¹⁹.

Разногласия вокруг Южно-Китайского моря дают наиболее показательные примеры отсутствия единства внутри Ассоциации. Для Вьетнама и Филиппин вопрос территориальной принадлежности островов в этой акватории — узловая проблема обеспечения региональной безопасности, прямым образом увязанная с национальным суверенитетом и территориальной целостностью. Как следствие, эти государства проводят более решительную политику в отношении Китая, рассматривая его в качестве агрессора. Между тем Малайзия и Бруней, несмотря на прямую вовлечённость в противоречия по Южно-

Китайскому морю с Китаем, исторически придерживались более сдержанной позиции. Они избегали открытой критики Пекина и отстаивания антикитайской повестки на асеаноцентричных диалоговых платформах. Схожих взглядов придерживается и Лаос, для которого укрепление взаимодействия с КНР входит в число ключевых приоритетов внешней политики. Ряд других стран (Таиланд, Индонезия, Сингапур), не будучи участниками спора, подчёркивают необходимость мирного его урегулирования на основе Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, а также разрабатываемого Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, при этом поддерживая ограниченное военное присутствие США в регионе [Локшин, Кобелев, Мазырин 2019: 146]. В целом, как отмечают участники круглого стола «Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений» Канаев Е.А., Мазырин В.М., Воскресенский А.Д., несмотря на относительную стабилизацию ситуации в ЮКМ и постепенное налаживание диалога с АСЕАН, о чем свидетельствует совместная разработка Кодекса и проведение совместных военных учений в ЮКМ, Китай ввиду своих превосходящих совокупных возможностей выступает в данном диалоге с позиции силы [Рябков 2019: 114–117]. В этой связи достижение компромисса между сторонами на взаимовыгодных условиях представляется маловероятным.

Ещё одним примером отсутствия консенсуса внутри АСЕАН стало голосование в Генеральной Ассамблее ООН по проблеме прав человека в Мьянме в декабре 2017 года. Половина стран-участниц объединения (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Сингапур и Бруней) проголосовали в поддержку резолюции, в то время как осталь-

¹⁸ Asean nations fail to reach agreement on South China Sea. BBC News, July 13, 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-18825148> (дата обращения: 19.09.2019).

¹⁹ Cambodia again blocks ASEAN statement on South China Sea. The Phnom Penh Post, July 25, 2016. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national/cambodia-again-blocks-asean-statement-south-china-sea> (дата обращения: 19.09.2019).

ные пять государств выступили против документа, призывавшего Нейпидо прекратить военные действия против мусульманского населения штата Ракхайн и разрешить доступ международных организаций для предоставления гуманитарной помощи местному населению²⁰.

Дефицит коллективных действий и отсутствие единства Ассоциации могут быть проиллюстрированы на ряде других примеров. Одним из них служит неспособность АСЕАН предотвратить распространение радикального исламизма в Юго-Восточной Азии, прежде всего ИГИЛ (запрещённая в России организация). В частности, согласно Индексу глобального терроризма, в 2017 г. на Южную и Юго-Восточную Азию пришлось третья часть всех террористических атак в мире. Две страны региона – Филиппины (10) и Таиланд (17) – вошли в число двадцати государств мира с самым высоким уровнем террористической активности, а также продемонстрировали наибольший прирост по данному показателю с 2002 года²¹. В 2017 г. на эти страны, а также Мьянму пришлось 94% всех террористических атак в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для сравнения в 2002 г. на три страны приходилось 55% всех атак в регионе²².

Данное положение продиктовано рядом причин, таких как несовершенство законодательства на уровне государств-членов и Ассоциации в целом, восприятие правящими элитами стран объединения проблем терроризма в качестве внутривнутриполитической угрозы отдельно взятых государств, долгий процесс согласования мер противодействия терроризму [Borelli 2017: 15–18]. В этой связи в вопросах противодействия угрозе радикального исламизма государства АСЕАН делают ставку преимущественно на развитие взаимодействия с диалоговыми партнёрами, в первую очередь

с США и Австралией, что ослабляет авторитет Ассоциации в качестве самостоятельного игрока.

Как отмечает А.А. Байков, важным фактором, препятствующим формированию консолидированной позиции по вопросам безопасности, также выступает опора стран-членов АСЕАН на внерегиональных игроков, прежде всего США, которые выстраивают взаимодействие с рядом стран Ассоциации в формате двусторонних военных союзов, как с Таиландом и Филиппинами в рамках так называемой системы «втулки и спиц» либо за счёт тесного военно-технического диалога без наличия формальных союзнических связей – Сингапуром, Малайзией, Вьетнамом [Байков 2012: 173].

Среди других причин, обуславливающих сложности в выстраивании единого подхода АСЕАН, представители российской школы сравнительного регионализма и интеграции, в частности С.В. Севастьянов и Е.А. Канаев отмечают системные ограничения асеаноцентричных механизмов по вопросам безопасности. По их мнению, актуальной проблемой является регулярное расширение повестки обсуждений, что негативно сказывается на её эффективности. В частности, после событий 11 сентября 2001 г. на полях АРФ участники стали более активно обсуждать такие вопросы, как борьба с терроризмом, пиратство, транснациональные преступления, отмывание денег и другие. Более того, стремление АСЕАН вынести на обсуждение чувствительные вопросы приводит к тому, что большинство участников форума, прежде всего крупные региональные игроки (США, Китай), предпочитают проведение двусторонних встреч и консультаций в двустороннем формате, что подрывает сами основы функционирования асеаноцен-

²⁰ Situation of human rights in Myanmar: resolution / adopted by the General Assembly. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=1538B1Q026J15.14763&profile=voting&uri=full=3100023~!1155676~!0&ri=1&aspect=power&menu=search&source=~!horizon> (дата обращения: 19.09.2019).

²¹ Global Terrorism Index 2018. Institute for Economics and Peace. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2018/12/Global-Terrorism-Index-2018-1.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

²² Ibid.

тричных площадок по вопросам безопасности в качестве многосторонней диалоговой площадки [Канаев 2011: 53–56; Севастьянов 2008: 87–89].

В обозримом будущем укреплению консолидированной позиции АСЕАН с высокой долей вероятности будет препятствовать внедрение концепции Индо-Тихоокеанского региона и, в частности, активизация четырёхстороннего оборонного формата (Quad) с участием Индии, США, Австралии и Японии. В настоящее время среди правящих элит стран-участниц АСЕАН отсутствует консенсус в отношении американоцентричной версии концепции Индо-Тихоокеанского региона, её потенциальных выгод и возможного негативного влияния на долгосрочное развитие Ассоциации.

В частности, некоторые страны объединения (в первую очередь Индонезия) проявляют активный интерес к участию в её реализации, о чём свидетельствуют выступления на высшем уровне. Например, в ходе официального визита в Индию в мае 2018 г. президент Индонезии Джоко Видодо и премьер-министр Нарендра Моди не только подтвердили важность достижения «мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона», но и приветствовали принятие «Совместного видения морского сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе между Индией и Индонезией»²³.

В то же время индонезийское, как и в целом общеасеановское видение Индо-Тихоокеанского региона отличается от трактовок США, Австралии, Японии, Индии²⁴. По мнению Джакарты, ключевую роль в построении нового геостратегического пространства должна играть АСЕАН.

Примечательно, что именно Индонезия, которая стремится стать «глобальной морской опорой», первой из стран-участниц Ассоциации представила собственную концепцию Индо-Тихоокеанского региона на полях асеаноцентричной диалоговой площадки. Выступая на полях Восточноазиатского саммита, министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди призвала остальных членов Ассоциации внести вклад в создание «открытого, прозрачного, всеобъемлющего» Индо-Тихоокеанского региона²⁵. Тем не менее Малайзия, Камбоджа и Лаос осторожно подходят к выдвигаемым предложениям и воздерживаются от заявлений на официальном уровне, стремясь не ставить под угрозу стратегические выгоды от сотрудничества с Китаем.

Дальнейшее внедрение американоцентричных подходов к структурированию Индо-Тихоокеанского региона грозит углубить раскол внутри АСЕАН, подрывая основополагающие принципы Ассоциации, такие как неприсоединение, балансирование между великими державами, внеблоковый статус и признание центральной роли Ассоциации в формировании региональной архитектуры [Lee 2018: 28]. В случае дальнейшего обострения отношений между США и Китаем вопрос поддержки концепции Индо-Тихоокеанского региона наиболее остро может встать перед Таиландом и Филиппинами, которые связаны с Вашингтоном союзническими обязательствами. При этом, несмотря на пересмотр политики в сторону большего сближения с Китаем после прихода к власти Родриго Дутерте, Манила по-прежнему сохраняет тесные военно-технические связи с Соединёнными Штатами.

²³ India-Indonesia Joint Statement during visit of Prime Minister to Indonesia (May 30, 2018). Ministry of External Affairs, Government of India, May 30, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29932/IndiaIndonesia+Joint+Statement+during+visit+of+Prime+Minister+to+Indonesia+May+30+2018> (дата обращения: 19.09.2018).

²⁴ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN Secretariat, June 22, 2019. URL: https://asean.org/storage/2019/06/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

²⁵ Introducing the Indo-Pacific Concept, Indonesia Set the Tone at the East Asia Summit. The President Post, August 9, 2018. URL: <http://en.presidentpost.id/2018/08/09/introducing-the-indo-pacific-concept-indonesia-set-the-tone-at-the-east-asia-summit/> (дата обращения: 19.09.2019).

Кроме того, Филиппины остаются вторым после Сингапура получателем американской помощи в Юго-Восточной Азии. Согласно данным Агентства США по международному развитию за последние 9 лет, с 2010 по 2018 год Филиппины получили около 2,5 млрд долларов помощи, большая часть которой (50%) пришлась на военное-техническое обеспечение²⁶.

Вместе с тем с высокой долей вероятности в ближайшее время Соединённые Штаты и их партнёры по четырёхстороннему формату предпримут попытки по более активному вовлечению Вьетнама в концепцию Индо-Тихоокеанского региона. Об этом свидетельствует постановка Ханоя на первое место в списке приоритетных партнёров Вашингтона среди государств АСЕАН в опубликованном 1 июня 2019 г. отчёте Министерства обороны США²⁷. Неслучайно, что именно во вьетнамском Дананге в ходе саммита АТЭС в 2017 г. президент США Д. Трамп впервые представил видение «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Важно также отметить и заинтересованность самого Вьетнама в укреплении стратегического сотрудничества со странами региона. В частности, приверженность концепции Индо-Тихоокеанского региона была зафиксирована в ходе визита бывшего президента Вьетнама Чан Дай Куанга в Индию в марте 2018 года²⁸.

Наконец, согласно опросу Австралийского института стратегической политики, проведённому в октябре 2018 года, во Вьетнаме наблюдается наиболее позитивное отношение к Индо-Тихоокеанскому регио-

ну среди всех стран-членов АСЕАН – 69% опрошенных положительно отзываются об этой инициативе²⁹. Более того, 88% вьетнамцев отметили необходимость институционализации QUAD для укрепления региональной архитектуры безопасности, основанной на правилах и уважении международного права³⁰.

* * *

Проведённый анализ позволил скорректировать типологию Э. Адлера и М. Барнетта. В частности, процесс формирования коллективной идентичности целесообразнее представить в виде одного из ключевых элементов в рамках первой фазы – построения зарождающегося сообщества безопасности, а не на второй – восходящих сообществ, как это заявлено у исследователей. Принимая во внимание высокую степень взаимосвязанности между политикой обороны и безопасности, с одной стороны, и экономикой, социальной сферой, культурой – с другой, представляется обоснованным утверждать, что носителем коллективной идентичности в рамках сообщества безопасности могут выступать не только политические элиты, но и граждане государств-членов сообщества.

Ключевыми достижениями АСЕАН в деле обеспечения безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона стало предотвращение перерастания существующих конфликтов внутри Ассоциации в фазу открытой конфронтации, социализация политической элиты стран-участниц, а также «институциональное связывание» крупных региональных игроков в рамках асеаноцен-

²⁶ U.S. Foreign Aid by Country, U.S. Agency for International Development. URL: https://explorer.usaid.gov/cd/PHL?fiscal_year=2010&measure=Disbursements (дата обращения: 19.09.2019).

²⁷ Indo-Pacific Strategy Report. U.S. Department of Defense, June 1, 2019. URL: https://media.defense.gov/2019/May/31/2002139210/-1/-1/1/DOD_INDO_PACIFIC_STRATEGY_REPORT_JUNE_2019.PDF (дата обращения: 19.09.2019).

²⁸ India-Vietnam Joint Statement during State visit of President of Vietnam to India (March 03, 2018). Ministry of External Affairs, Government of India, March 03, 2018. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/29535/IndiaVietnam+Joint+Statement+during+State+visit+of+President+of+Vietnam+to+India+March+03+2018> (дата обращения: 19.09.2019).

²⁹ Southeast Asian Perceptions of the Quadrilateral Security Dialogue. Australian Strategic Policy Institute, October 2018. URL: <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2018-10/SR%20130%20Quadrilateral%20security%20dialogue.pdf> (дата обращения: 19.09.2019).

³⁰ Ibid.

тричных диалоговых площадок. При этом, несмотря на наличие формальных и неформальных институтов коммуникации, объединение так и не сумело продвинуться по пути формирования восходящего или зрелого сообщества безопасности и на данный момент представляет зарождающееся сообщество плюралистического типа – первую фазу, согласно классификации Э. Адлера и М. Барнетта.

Вместе с тем отсутствие единства по стратегическим вопросам, например свя-

занным с противоречиями вокруг Южно-Китайского моря и концепции Индо-Тихоокеанского региона, чувства «коллективного мы» среди правящих элит и населения вместе с периодическим отходом Ассоциации от основополагающих принципов препятствуют формированию зрелого сообщества безопасности. Как итог, при сохранении существующих проблем, обозначенных в исследовании, переход к более высокой стадии консолидации не представляется возможным.

Список литературы

- Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели зарубежной интеграции в зарубежной Европе и тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Канаев Е.А. Формирование Сообщества АСЕАН: особенности 2011 г. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. №. 17. С. 48–60.
- Колдунова Е.В. Интеграция без конфликта или конфликт при интеграции? // Международные процессы. 2011. Т. 9. №. 27. С. 105–111.
- Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире: Монография. М.: ФОРУМ, 2019. 296 с.
- Рябов А.В. Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений (часть II) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №. 1. С. 112–122.
- Севастьянов С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и Восточно-Азиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. №. 3. С. 82–94.
- Acharya A. The Association of Southeast Asian Nations: “Security Community” or “Defence Community”? // Pacific Affairs. 1991. P. 159–178.
- Acharya A. A regional security community in Southeast Asia? // The Journal of Strategic Studies. 1995. Vol. 18. No. 3. P. 175–200.
- Acharya A. Collective identity and conflict management in Southeast Asia // Cambridge Studies in International Relations. 1998. Vol. 62. No. 1. P. 198–227.
- Acharya A., Layug A. Collective identity formation in Asian regionalism: ASEAN identity and the construction of the Asia-Pacific Regional Order. A paper presented at the World Congress of International Political Science Association (IPSA) held in Madrid, Spain. 2012. 48 p.
- Acharya A. Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order. Routledge, 2014. 314 p.
- Acharya A. The Evolution and Limitations of ASEAN Identity // Building ASEAN Community. 2017. Vol. 186. P. 25–38.
- Adler E., Barnett M. Security Communities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 484 p.
- Barr M.D. Lee Kuan Yew and the “Asian values” debate // Asian Studies Review. 2000. Vol. 24. No. 3. P. 309–334.
- Beeson M. ASEAN's ways: still fit for purpose?. Cambridge Review of International Affairs. 2009. Vol. 22. No.3. P. 333–343.
- Borelli M. ASEAN Counter-terrorism Weaknesses // Counter Terrorist Trends and Analyses. 2017. Vol. 9. No. 9. P. 14–20.
- Caballero-Anthony M. Mechanisms of dispute settlement: the ASEAN experience // Contemporary Southeast Asia. 1998. P. 38–66.
- Caballero-Anthony M. Partnership for Peace in Asia: ASEAN, the ARF, and the United Nations // Contemporary Southeast Asia. 2002. P. 528–548.
- Chanona A. A Comparative Perspective between the European Union and NAFTA. Jean Monnet/Robert Schuman Paper Series. 2003. Vol. 3. No. 5. P. 1–13.
- Clarke P. Does growing economic interdependence reduce the potential for conflict in the China-Taiwan-US triangle? American Journal of Chinese Studies. 2008. Vol.15. No. 2. P. 57–68.
- Deutsch K.W. Political Community and the North American Area. Princeton University Press, 2015. 244 p.

- Farnham B.* The theory of democratic peace and threat perception // *International studies quarterly*. 2003. Vol. 47. No. 3. P. 395–415.
- Harper T.N.* 'Asian Values' and Southeast Asian Histories // *The Historical Journal*. 1997. Vol. 40. No. 2. P. 507–517.
- Holsti Kal J.* A new international politics? Diplomacy in complex interdependence. *International Organization*. 1978. Vol. 32. No. 2. P. 513–530.
- Jong K.H., Ping L.P.* The changing role of dialogue in the international relations of Southeast Asia // *Asian Survey*. 2011. Vol. 51. No. 5. P. 953–970.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Power and interdependence. Boston: Little Brown. 1977. 334 p.
- Khalifah N.A.* International Trade of the East Asian Economic Caucus // *Jurnal Ekonomi Malaysia*. 1992. Vol. 25. P. 19–45.
- Kipgen N.* ASEAN and China in the South China Sea disputes. *Asian Affairs*. 2018. Vol. 49. No. 3. P. 433–448.
- Lee J.* Trends in Southeast Asia. The "Free and Open Indo-Pacific" and Implications for ASEAN // *ISEAS Yusof Ishak Institute*. 2018. No. 13. P. 1–34.
- Mancheri N.A.* China and its Neighbors: Trade Leverage, Interdependence and Conflict. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 75–94.
- Martel S.* From ambiguity to contestation: discourse (s) of non-traditional security in the ASEAN community. *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. No. 4. P. 549–565.
- Owen J.M.* How liberalism produces democratic peace // *International security*. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 87–125.
- Risse-Kappen T.* Democratic peace—warlike democracies? A social constructivist interpretation of the liberal argument // *European Journal of International Relations*. 1995. Vol. 1. No. 4. P. 491–517.
- Severino C.R.* Southeast Asia in search of an ASEAN community: Insights from the former ASEAN secretary-general. *Institute of Southeast Asian Studies*. 2006. P. 489.
- Severino C.R.* The ASEAN regional forum. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies. 2009. P. 44.
- Simon S.W.* Realism and neoliberalism: international relations theory and Southeast Asian security. *The Pacific Review*. 1995. Vol.8. No. 1. P. 5–24.
- Tan S.S.* Not Quite Beyond the 'ASEAN Way'? Southeast Asia's Evolution to Rules-based Management of Intra-ASEAN Differences. *Building ASEAN Community*. 2017. P. 67.
- Tönnies F.* Community and association. Routledge & Paul, 1955. 293 p.
- Tuscisny A.* Security communities and their values: Taking masses seriously // *International Political Science Review*. 2007. Vol. 28. No. 4. P. 425–449.
- Wah C.K.* 1997. ASEAN: the long road to "one Southeast Asia" // *Asian Journal of Political Science*. 1997. Vol. 5. No. 1. P. 1–19.
- Young O.R.* Regime dynamics: the rise and fall of international regimes // *International organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 277–297.
- Yukawa T.* The ASEAN Way as a symbol: an analysis of discourses on the ASEAN Norms. *The Pacific Review*. 2018. Vol. 31. No. 3. P. 298–314.

RETHINKING THE RECORD OF SECURITY COMMUNITY BUILDING IN ASEAN

ALEXANDER KOROLEV

National Research University Higher School of Economics, Moscow 101000, Russian Federation

Abstract

The article discusses the structural elements of the security community concept using the example of ASEAN. The relevance of studying this phenomenon rises dramatically due to the official launch of the ASEAN Community in 2015, which consists of three key elements – the Economic Community, the Political and Security Community and the Socio-Cultural Community.

The scientific novelty of the work lies, firstly, in the use of an updated approach to the analysis of this security community concept, and secondly, in rethinking the experience of ASEAN and, in particular, failures in the formation of the security community.

The work argues the major variables that contribute to the initial formation of the security community are the “we-feeling” sense among the population, adherence to key norms and principles of functioning of the association, the presence of strong channels of communication between states, and the ability of states to collectively respond to internal and external challenges.

It is concluded that at present, ASEAN is a nascent, pluralistic security community. However, while maintaining the existing problems identified in the study, the transition to a more mature stage is not possible. The key constraints of ASEAN include a periodic departure from the basic principles of the Association, and the failure to reach consensus on a number of sensitive issues. As concrete examples we can identify the various positions of ASEAN member states on the South China Sea issue, as well as the lack of a unified approach to the “Free and Open Indo-Pacific Region”, an emerging geostrategic space.

Keywords:

security community; ASEAN; institutions; collective identity; values; norms; principles.

References

- Baykov A.A. (2012). *Sravnitel'naja integracija. Praktika i modeli zarubezhnoj integracii v zarubezhnoj Evrope i tihookeanskoj Azii* [Comparative integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. Moscow: Aspect Press, 2012. 256 p.
- Kanaev E.A. (2011). Formirovanie Soobshhestva ASEAN: osobennosti 2011 g [ASEAN Community Formation: Features of 2011]. *South East Asia: Actual problems of development*. No. 17. P. 48–60.
- Koldunova E.V. (2011). Integratsiya bez konflikta ili konflikt bez integratsii? [Integration without a conflict or a conflict without integration?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. No. 27. P. 105–111.
- Lokshin G.M., Kobelev E.V., Mazyrin V.M. (2019). *Soobshchestvo ASEAN v sovremennom mire* [ASEAN community in the modern world]. Moscow: FORUM. 296 p.
- Ryabov A.V. (2019). Pereformatirovanie sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij v Tihookeanskoj Azii: vektory i dinamika izmenenij [Reformatting the system of international relations in Pacific Asia: vectors and dynamics of changes]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 1. P. 112–122.
- Sevastyanov S.V. (2008). Instituty aziatsko-tihookeanskogo i Vostochno-Aziatskogo regionalizma: dinamika razvitija, problemy i interesy uchastnikov [Institutions of Asia Pacific and East Asian regionalism: development dynamics, problems and interests of participants]. *Rossija i ATR*. No. 3. P. 82–94.
- Acharya A. (1991). The Association of Southeast Asian Nations: “Security Community” or “Defence Community”. *Pacific Affairs*. P. 159–178.
- Acharya A. (1995). A regional security community in Southeast Asia? *The Journal of Strategic Studies*. Vol. 18. No. 3. P. 175–200.
- Acharya A. (1998). Collective identity and conflict management in Southeast Asia. *Cambridge Studies in International Relations*. Vol. 62. No. 1. P. 198–227.
- Acharya A., Layug A. (2012). Collective identity formation in Asian regionalism: ASEAN identity and the construction of the Asia-Pacific Regional Order. *A paper presented at the World Congress of International Political Science Association (IPSA) held in Madrid, Spain*. 48 p.
- Acharya A. (2014). *Constructing a security community in Southeast Asia: ASEAN and the problem of regional order*. Routledge. 314 p.
- Acharya A. (2017). The Evolution and Limitations of ASEAN Identity. *Building ASEAN Community*. Vol. 186. P. 25–38.
- Adler E., Barnett M. (1998). *Security Communities*. Cambridge: Cambridge University Press, 484 p.
- Barr M.D. (2000). Lee Kuan Yew and the “Asian values” debate. *Asian Studies Review*. Vol. 24. No. 3. P. 309–334.
- Beeson M. (2009). ASEAN's ways: still fit for purpose? // *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 22. No. 3. P. 333–343.
- Borelli M. (2017). ASEAN Counter-terrorism Weaknesses. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Vol. 9. No. 9. P. 14–20.
- Caballero-Anthony M. (1998). Mechanisms of dispute settlement: the ASEAN experience. *Contemporary Southeast Asia*. P. 38–66.
- Caballero-Anthony M. (2002). Partnership for Peace in Asia: ASEAN, the ARF, and the United Nations. *Contemporary Southeast Asia*. P. 528–548.

- Chanona A. (2003). A Comparative Perspective between the European Union and NAFTA // *Jean Monnet/ Robert Schuman Paper Series*. Vol. 3. No. 5. P. 1–13.
- Clarke P. (2008). Does growing economic interdependence reduce the potential for conflict in the China-Taiwan-US triangle? // *American Journal of Chinese Studies*. Vol.15. No. 2. P. 57–68.
- Deutsch K.W. (2015). *Political Community and the North American Area*. Princeton University Press. 244 p.
- Farnham B. (2003). The theory of democratic peace and threat perception. *International Studies Quarterly*. Vol. 47. No. 3. P. 395–415.
- Harper T.N. (1997). 'Asian Values' and Southeast Asian Histories. *The Historical Journal*. Vol. 40. No. 2. P. 507–517.
- Holsti Kal J. (1978). A new international politics? Diplomacy in complex interdependence. *International Organization*. Vol. 32. No. 2. P. 513–530.
- Jong K.H., Ping L. P. (2011). The changing role of dialogue in the international relations of Southeast Asia. *Asian Survey*. Vol. 51. No. 5. P. 953–970.
- Keohane R. O., Nye J. S. (1977). *Power and interdependence*. Boston: Little Brown. 334 p.
- Khalifah N.A. (1992). International Trade of the East Asian Economic Caucus. *Jurnal Ekonomi Malaysia*. Vol. 25. P. 19–45.
- Kippen N. (2018). ASEAN and China in the South China Sea disputes // *Asian Affairs*. Vol. 49. No. 3. P. 433–448.
- Lee J. (2018). Trends in Southeast Asia. The "Free and Open Indo-Pacific" and Implications for ASEAN. *ISEAS Yusof Ishak Institute*. No. 13. P. 1–34.
- Mancheri N.A. (2015). China and its Neighbors: Trade Leverage, Interdependence and Conflict // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 4. No.1. P. 75–94.
- Martel S. (2017). From ambiguity to contestation: discourse (s) of non-traditional security in the ASEAN community // *The Pacific Review*. Vol. 30. No. 4. P. 549–565.
- Owen J.M. (1994). How liberalism produces democratic peace. *International security*. Vol. 19. No. 2. P. 87–125.
- Risse-Kappen T. (1995). Democratic peace—warlike democracies? A social constructivist interpretation of the liberal argument. *European Journal of International Relations*. Vol. 1. No. 4. P. 491–517.
- Severino C. R. (2006). Southeast Asia in search of an ASEAN community: Insights from the former ASEAN secretary-general. *Institute of Southeast Asian Studies*. P. 489.
- Severino R. (2009). The ASEAN regional forum. *Singapore: Institute of Southeast Asian Studies*. P. 44.
- Simon S.W. (1995). Realism and neoliberalism: international relations theory and Southeast Asian security. *The Pacific Review*. Vol. 8. No. 1. P. 5–24.
- Tan S. S. (2017). Not Quite Beyond the 'ASEAN Way'? Southeast Asia's Evolution to Rules-based Management of Intra-ASEAN Differences // *Building ASEAN Community*. P. 67.
- Tönnies F. (1955). *Community and association*. Routledge & Paul, 1955. 293 p.
- Tuscisny A. (2007). Security communities and their values: Taking masses seriously. *International Political Science Review*. Vol. 28. No. 4. P. 425–449.
- Wah C.K. (1997). ASEAN: the long road to "one Southeast Asia". *Asian Journal of Political Science*. Vol. 5. No. 1. P. 1–19.
- Young O.R. (1982). Regime dynamics: the rise and fall of international regimes. *International organization*. Vol. 36. No. 2. P. 277–297.
- Yukawa T. (2018). The ASEAN Way as a symbol: an analysis of discourses on the ASEAN Norms // *The Pacific Review*. Vol. 31. No. 3. P. 298–314.